

Володин Сергей Филиппович

ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА "ПЕРЕСТРОЙКИ" (1985-1991 ГГ.) ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА В НЭПОВСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассматривается опыт осмысления историографией периода "перестройки" (1985-1991 гг.) проблем эффективности труда в годы нэпа. Подвергнуты анализу работы Ю. М. Голанда, М. М. Горинова, В. П. Дмитренко, В. А. Козлова, В. Е. Маневича, Л. Е. Тропаревской, С. С. Хромова, С. В. Цакунова. Автор указывает на то, что в годы "перестройки" началось исследование проблем нэпа с позиций "альтернатив", "человеческого фактора", "кризисов" этой политики. В русле данных подходов также изучались проблемы эффективности труда на промышленных предприятиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 69-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Разум вернулся, герой возвращается к жизни. Путь домой омрачен мыслью о возможной гибели жены, и встреча с ней является чудом. Но мир героя не может стать прежним, безмятежным. Ему страшно за будущее своей планеты, страхи-воспоминания и страхи-сомнения постоянно вмешиваются в восприятие окружающего.

Все истинно, потому что пережито. Но ведь не только герой, но и мы вместе с ним переживаем его действия-страдания, ошибки и страхи, сомнения и иллюзии. Его глазами мы видим марсиан, разрушенные города, не как мечту или иллюзию, а как достоверное и реальное. Наблюдение за внешними событиями, самонаблюдение за своими переживаниями, размышления и воспоминания героя позволяют увидеть в романе онтологические, гносеологические и аксиологические вопросы, поставленные и решаемые уже в философии XX в. Это вопросы о бытии человека в мире и месте человека в космосе, отношении сознания к миру, ценности жизни, нравственной ответственности за выбор.

Список литературы

1. Гачев Г. Д. Национальный мир и национальный ум // Путь. 1994. № 6. С. 128-191.
2. Зайцева Т. Б. Категория отчаяния или , болезнь к смерти в философии Серена Киркегора // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 65-68.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 219-310.
4. Михайлов Н. А. Английское Просвещение и журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Новая эпоха развития европейской науки // Философские науки. 2014. № 5. С. 9-23.
5. Сарабун О. В. Ответственность как момент этического самоосуществления человека в философии Серена Кьеркегора // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 159-161.
6. Уэллс Г. Война миров / пер. М. Зенкевича // Уэллс Г. Машина времени. Человек-невидимка. Война миров. Пища богов. М.: Правда, 1988. 624 с.
7. Шурупова О. С., Чудинова Е. В. Цветовая гамма лондонского текста английской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 217-219.

TRAVELOGUE OF PHILOSOPHER IN NOVEL "WAR OF THE WORLDS" BY H. G. WELLS

Burova Mariya Leonidovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
marburova@yandex.ru

The article reveals the chronology and topic of the novel "War of the Worlds" by H. G. Wells as the collection of travels and meetings; considers the polysemy of the concept "world" (the world in the whole and as a whole, the god and the world, space, time, movement, outer space, civilization, evolution, anthropocentrism "life-world") and the opposition of terrestrial and extraterrestrial. Objective scientific-rational description and phenomenological experience of events are compared, and taking into account changes in the hero's attitudes attempts to analyze his existential rise are undertaken.

Key words and phrases: travel; multitude of worlds; rationality; experience; fear.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматривается опыт осмысления историографией периода «перестройки» (1985-1991 гг.) проблем эффективности труда в годы нэпа. Подвергнуты анализу работы Ю. М. Голанда, М. М. Горинова, В. П. Дмитренко, В. А. Козлова, В. Е. Маневича, Л. Е. Тропаревской, С. С. Хромова, С. В. Цакунова. Автор указывает на то, что в годы «перестройки» началось исследование проблем нэпа с позиций «альтернатив», «человеческого фактора», «кризисов» этой политики. В русле данных подходов также изучались проблемы эффективности труда на промышленных предприятиях.

Ключевые слова и фразы: заработная плата; нэп; производительность труда; трудовая дисциплина; хозяйственный расчет.

Володин Сергей Филиппович, к.и.н., доцент
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
volodin93@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА «ПЕРЕСТРОЙКИ» (1985-1991 ГГ.) ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА В НЭПОВСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Обсуждение проблем нэпа в годы перестройки имело многослойный характер. И дело здесь заключалось не только в том, что одни хвалили нэп за быстрое восстановление народного хозяйства, а другие указывали на внутренние противоречия нэпа, как об этом написала Ю. В. Смирнова [9]. Суть вопроса, как представляется,

заклучалась в контексте времени, в самой , перестройке. Это время не только предоставило для многих историков возможность высказаться по большому счету, но и обусловило необходимость написания работ в русле совсем других, чем прежде жанров. Актуальными становились исторический очерк, публицистическая статья, брошюра на историческую тему [15]. И, надо сказать, историческая публицистика, посвященная советскому прошлому, была необходима для общественного сознания, о чем наглядно свидетельствовали подписка и тиражи публикаций этого жанра.

Разумеется, в этом многоголосье было много того, о чем впоследствии писали как о , конъюнктуре. То есть в этих многочисленных очерках периода перестройки было много обличительного пафоса, внимания к сенсационным фактам, к построению умозрительных трактовок и т.д. С другой стороны, эта публицистическая работа имела свою продуктивную цель: она ставила вопросы, она раздвигала горизонты предстоящей исследовательской работы, в конце концов, она разбивала железобетонные конструкции канонической историографии, без чего невозможно было ее дальнейшее развитие. К тому же , перестроечный дискурс имел важное значение для исторической науки в отношении теоретического поиска таких концептуальных схем, которые могли помочь в осмыслении сложных феноменов советского прошлого. Одна из них – изучение альтернативных путей развития советского общества, в особенности в период развилки новой экономической политики. Разумеется, как отмечал в 1990 г. В. В. Согрин, альтернативность необходимо было понимать не в смысле идеологической и политической альтернативы формирования командно-административной системы. Ее утверждение в заданных исторических обстоятельствах было во многом predetermined [10, с. 14-15]. Вместе с тем внутри этого процесса всегда присутствовали свои собственные развилки, определявшие качественные особенности, форму и интенсивность воплощения того или иного политического решения. Собственно борьба управленческих , линий внутри все более сужающихся возможностей в течение 1920-х гг. как раз и становилась проблемным исследовательским полем для советской историографии перестроечного времени. Как представляется, эта особенность историографического поиска прослеживается и в работах историков этого времени, касающихся проблем эффективности труда в годы нэпа.

В 1986 г. вышла в свет большая статья С. С. Хромова . Исторический опыт решения производительности труда в промышленности в первые годы нэпа». И хотя она в значительной мере повторяла положение книги автора 1977 г. [14], в работе 1986 г. , линия Дзержинского в области проведения в жизнь хозяйственной линии была существенно усилена. Так, проблема эффективности производства в 1923 г., отмечалось в статье, рассматривалась в политическом руководстве главным образом в русле сокращения накладных расходов и уплотнения рабочего дня. В отношении же заработной платы руководство в контексте внутривнутриполитической борьбы проявляло определенное колебание. С одной стороны, провозглашалась необходимость опережения роста производительности труда над повышением заработной платы, но с другой – оговаривалась необходимость исключения заработной платы в червонцах, ее повышения в отраслях тяжелой индустрии [12, с. 12]. Причем именно Ф. Э. Дзержинский, возглавивший в феврале 1924 г. ВСНХ, занимал в этом вопросе наиболее критическую позицию. Он требовал определять и периодически пересматривать нормы выработки с учетом полной загрузки рабочего дня, что должно было понизить долю заработной платы в стоимости продукции [Там же, с. 13-14].

Председателю ВСНХ приходилось вести достаточно напряженную полемику с профсоюзными лидерами, которые отстаивали противоположную точку зрения. Он требовал наладить учет накладных расходов и скрытых видов зарплаты, принять меры к упорядочению выплат рабочим и служащим из общественных фондов. Именно настойчивость Ф. Э. Дзержинского позволила в публичной полемике на основе эмпирических данных доказать наличие существенных диспропорций в уровнях заработной платы и производительности труда. А уже на этом основании подготовить принятие политического решения на августовском (1924 г.) пленуме ЦК ВКП(б). Причем, как показал С. С. Хромов, председатель ВСНХ несколько не снизил внимания к проблеме и после принятия политического решения. , Дзержинский... предлагал: “Тубкомы должны получить от ЦК... совершенно определенные директивы. Если Политбюро считает почему-либо, что ЦК не должен издавать циркуляров с техническими указаниями, а повторяю, что в этой кампании технические указания определяют собою весь успех, то следует этот циркуляр издать за подписями ВСНХ, ВЦСПС и НК Труда, – а ЦК должен его разослать всем губкомам для руководства в этой кампании” [Там же, с. 25].

Конечно, за явлениями работы многочисленных комиссий, инициированных кампаний, производственных конференций скрывалась сложная политико-экономическая проблема повышения эффективности труда, которая не имела сугубо технократического решения. Не случайно автор вновь и вновь обнаруживал позицию тех, кто ратовал за повышение заработной платы, да и признавал саму необходимость со стороны руководства считаться с этим давлением. , Клеветой на политику ЦК являлось и утверждение авторов “документа 15-ти”, что зарплата якобы остановилась в своем росте и обнаружила тенденцию к понижению с середины 1925 г. Они не могли не знать, что именно в это время был принят ряд решений о дальнейшем повышении зарплаты во многих отраслях промышленности. Повышение зарплаты предусматривало и постановление октябрьского (1925 г.) Пленума ЦК [Там же, с. 36]. Тем не менее, технократическая , линия Дзержинского, – в чем прав С. С. Хромов, – определяла возможность повышения известной меры производительности отдачи труда в существовавших политико-экономических условиях, как за счет рационализации и технических усовершенствований, так и его интенсивности. Действенными в этом отношении являлись меры укрепления трудовой дисциплины, введение неограниченной сдельщины, обновление оборудования, а также систематическое повышение заработной платы [Там же, с. 37].

И все же сам Ф. Э. Держинский, отмечал С. С. Хромов в статье 1987 г., не мог не ощущать ограниченность бюрократического подхода к решению хозяйственных задач. После поездки на Украину в мае 1926 г. он вынес твердое убеждение о непригодности в настоящее время нашей системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии, требующей от подчиненных всевозможных отчетов, справок сведений... [13, с. 57]. И еще одна важная критическая запись Ф. Э. Держинского: "...Местничество. Ведомственность. Слишком быстрый темп восстановления одних – смерть других. Слишком большое нетерпение – из-за медленного роста зарплаты. Нерассчитанное заключение коллектив. договоров. Разнобой в уровне зарплаты в тех же квалификациях. Непонимание, откуда берутся обор. средства и кредит. Противопоставление себя государству. Пользование посредниками там, где без них можно обойтись. Блок местников против государства. Обман в калькуляциях, чтобы урвать. Отношение к спецам. Комчванство..." [Там же, с. 58]. К этому добавим, что не только С. С. Хромов открывал, незнакомого Держинского [8].

Помимо позиции, альтернативы, в начале, перестройки большое внимание в трудах историков начало уделяться, человеческому фактору, то есть социально-психологическим аспектам общественной жизни, в том числе и хозяйственной деятельности. Такой подход, безусловно, открывал новые перспективы, как в организации исторического материала, так и в понимании исторического процесса. В этой связи заслуживает внимание выход в свет в 1988 г. работы тогда молодых историков В. А. Козлова и О. В. Хлевнюка [6], немалая часть которой как раз была посвящена второй половине 20-х годов XX века. Так, по мнению В. А. Козлова, в это время в партийно-комсомольской среде, в многочисленном слое молодых рабочих активистов, формировалось настроение, необходимости сдвига. Причина этому заключалась в том, что улучшение материального положения, да и духовные перемены, существенно отражались на психологии рабочих, выдвигали перед ними новые ориентиры [Там же, с. 26]. Передовые рабочие активно включались в деятельность производственных совещаний. Но одновременно с этим в их сознании усиливалась нетерпимость к различным недостаткам. Вопросы равенства, социальной справедливости волновали и обсуждались, пожалуй, более других, что вполне понятно. Именно в этих проблемах концентрировались в сознании рабочих все "болезни", существовавшие в обществе... [Там же, с. 29]. При этом, идеи "равенства", "справедливости", трактуемые с мелкобуржуазных позиций, становились аргументами, при помощи которых новые рабочие, пришедшие в город из деревни, пытались обосновать свое право на дисциплинированность, на получение максимальных заработков при минимальном трудовом вкладе [Там же, с. 37].

Рабочие были недовольны старой технической базой предприятий. Их также остро волновала проблема безработицы, которая непосредственно сказывалась на внутренней жизни заводов и фабрик. За рабочие места обострялась конкуренция между кадровыми и новыми рабочими. В этой связи усилилось, секретничество первой группы рабочих, поскольку владение секретами профессионального мастерства в немалой мере гарантировало им сохранение рабочих мест. Безработица способствовала консервации такого негативного явления, как протекционизм, она, порождала пассивность части рабочих, их терпимость к недостаткам производства, боязнь высказать критическое замечание, чтобы не "попасть за ворота", не оказаться на бирже труда» [Там же, с. 34]. Таким образом, внутри советского промышленного производства складывались объективные условия и субъективные настроения, двигающие его в сторону форсированной индустриализации.

Способ рассмотрения исторического материала сквозь призму, человеческого фактора был продолжен В. А. Козловым в коллективной работе 1989 г. [5]. Здесь автор обращался уже к более общему контексту хозяйственного строительства, начиная с первых лет новой экономической политики. Ведь с самого начала в этой политике содержались противоречивые тенденции. Хотя В. И. Ленин считал переход к нэпу стратегическим отступлением, в его концепции нэпа были заложены фундаментальные идеи о хозяйственном расчете и личном интересе как общих принципах социалистического хозяйствования [Там же, с. 20]. Само же выдвижение, в первую очередь, хозрасчетных методов управления отнюдь не означало отказа от, ударного метода, включения мобилизационного, энтузиазма передовых рабочих. В этой связи, зигзаги нэпа, справедливо подмечал В. А. Козлов, в немалой степени определялись необходимостью учета настроений рабочей массы, без чего не бывает реального управления. Хозяйственный расчет в его специфических нэповских формах был ориентирован на взаимодействие с частным рынком и одновременно на сопротивление рыночной стихии. <...> [Ведь] доведение хозрасчета до отдельного предприятия, цеха, рабочего места в конкретных условиях того времени по сути дела означало, что оплата труда рабочего была бы поставлена в прямую зависимость от колебаний и капризов частного рынка, а рабочий класс лишен ряда важных социальных гарантий. Поэтому и был сделан упор на административно-правовые гарантии рабочего заработка; эту функцию выполняла система норм и тарифов [Там же, с. 36]. В свою очередь это порождало заинтересованность рабочих в снижении норм и повышении расценок за выработанную продукцию.

Противоречия нэпа отражались и на психологии управленческого труда. Именно коммунистической части хозяйственного аппарата предстояло преодолеть объективно возникающие явления ведомственности, местничества и узости кругозора. К тому же ее представителям предстояло балансировать хозяйственные интересы эффективности труда с повседневными интересами трудящихся. В этих условиях согласование интересов рабочих и администрации обеспечивалось партийными и профсоюзными организациями, а также особым типом руководителя-коммуниста – "красного директора"... [Там же, с. 45]. Именно им предстояло организовать одну из ключевых кампаний периода по повышению производительности труда, а, значит, создать ее и организационное, и социально-психологическое обеспечение. В ходе реализации поставленных целей руководство пыталось разъяснить рабочим необходимость более тесной связи заработков рабочих с их производительностью, с открывавшимися возможностями неограниченной сдельщины. Нередко

обходились и без этой разъяснительной работы, что вызывало недовольство рабочих. Однако это недовольство, считал автор, все-таки уравнивалось, социально-психологическими ресурсами оптимистического мировоззрения, надеждами на какой-то положительный зигзаг в ближайшем будущем [Там же, с. 52-53].

Впрочем, это «оптимистическое мировоззрение» было скорее пропагандистским образом цитируемых современников, чем реальным явлением жизни. И это, собственно, сам В. А. Козлов подтверждает, говоря о тревожных явлениях внутрихозяйственной жизни в 1927-1928 гг. Наличие внешней угрозы, шахтинское дело – все это сопровождалось общим ухудшением условий жизни. На этом фоне череда кампаний по повышению эффективности труда не могла не вызвать у рабочих чувства отторжения. Рабочий, как практик, – цитирует автор С. Клименко, – инстинктивно чувствует, что режим экономии, объявленный сверху, в какой-то степени прижмет или его самого или подобных ему и целый ряд “убыточных заводов будут законсервированы” [Там же, с. 65]. Чтобы переломить эти настроения, потребовалась еще большая активизация административных методов управления экономикой, использование уже наработанных, штурмовых методов работы.

Пожалуй, центральной концептуальной схемой анализа нэповской экономике, особенно в конце 80-х гг., стало исследование его внутренних противоречий, обнаруживаемых в кризисах и зигзагах нэпа. Для специалистов не было секретом, что трестовский хозрасчет слабо влиял на производство в силу ненадежности учета и отчетности, отсутствия финансово-экономических служб, крайней ограниченности прав руководства предприятий [4, с. 88]. Эффект, твердого червонца, как отмечали М. М. Горинов и С. В. Цакунов, также был кратковременным. Если раньше крестьянин не особенно спешил на рынок, потому что совзнак “падал”, то теперь он не спешил продавать, потому что на “твердый” червонец не всегда мог купить то, что ему надо [2, с. 148]. С осени 1924 г. обозначился нарастающий, товарный голод», который не могла смягчить политика снижающихся отпускных цен на промышленную продукцию. К этому же мнению присоединился и В. П. Дмитренко: «Проведенная реформа имела небольшой эффект в силу низкого уровня зарплаты, наличия товарного дефицита, слабой увязки размера зарплаты с реальной производительностью труда, уравнилельных и собесовских тенденций в сфере оплаты труда» [3, с. 134]. И вообще сам нэп, все сильнее отставал от динамики самой экономики, все меньше был ориентирован на прогноз, на перспективу, на опережение» [Там же].

Более подробно о кризисах нэпа в период, перестройки писал Ю. Голанд [1]. По его мнению, принятые летом 1925 г. планы бурного развития народного хозяйства страны не были обеспечены необходимыми ресурсами. В результате набора неквалифицированных кадров и вовлечения в производство большого числа сравнительно изношенных станков и предприятий с устаревшим оборудованием рост производительности замедлился. В то же время зарплата росла. Так, в июле в результате пересмотра коллективных договоров она увеличилась в среднем по промышленности на 10%. В результате начался рост себестоимости промышленной продукции, что вело к дальнейшему ухудшению финансового положения промышленности [Там же, с. 21]. Пришлось сокращать план импорта оборудования и сырья, что очень тяжело сказалось на народном хозяйстве. Также одна из центральных причин кризиса 1925 г. заключалась в инфляционном кредитовании промышленности, т.е. за счет увеличения денежной массы. Ведь только с 1 июня по 1 декабря 1925 г. ее размер вырос на 63%. И хотя финансово-экономическое равновесие на этот раз удалось восстановить, процесс резкого перераспределения государственных средств в пользу промышленности продолжался. В результате, политика низких заготовительных сырьевых цен, задуманная в интересах промышленности, ударила по ней самой, породив значительные трудности с обеспечением предприятий сырьем [Там же, с. 37]. К тому же нэповская промышленность не обладала необходимой гибкостью в отношении рыночной конъюнктуры, в результате чего дефицит одних товаров нередко сочетался с затовариванием другими. И в этой ситуации неустойчивого равновесия особое значение приобрел субъективный фактор. В руководстве же страны верх брали как раз силы, склоняющиеся к созданию командной экономики [Там же, с. 57]. Между тем в 1926/27 гг. обнаружилось очертания нового кризиса: срыв хлебозаготовок, новый виток эмиссии, внешнеполитические угрозы, обострение товарного голода. Однако теперь подходы к разрешению кризисных явлений видоизменились. Отказавшись осуществить поворот, призванный привести политику в соответствие с экономическими законами и реальными возможностями страны, руководство видело единственный способ выхода из кризиса – чрезвычайные административные методы по отношению к крестьянству [Там же, с. 78]. При этом неотъемлемой частью этих мер становилась политика поиска врагов и внутри промышленного производства.

Несколько другой ракурс в рассмотрении зигзагов нэпа» прослеживался у экономистов, стремившихся обнаружить собственно экономические противоречия в новой политике. Например, Л. Е. Тропаревская отмечала ее исходное внутреннее противоречие, заключающееся в неравновесном соотношении между, социалистическим плановым началом и рынком. Ведь по-прежнему сметы расходов трестов подлежали утверждению ВСНХ. Пополнение имущества треста осуществлялось только в бюджетном порядке и независимо от эффективности хозяйствования, поскольку вся полученная прибыль поступала в доход казны. На нужды предприятий отчислялось лишь до 20% прибыли, направляемых в резервный капитал треста... [11, с. 999]. Кроме того, Планирование программ осуществлялось не по техническим и коммерческим расчетам, а по заказам и потребностям, а это, естественно, вело к распылению ресурсов и повышению себестоимости [Там же, с. 1000]. Тем самым хозяйственный механизм функционирования промышленных предприятий мало способствовал их эффективности.

Более детальный анализ причин низкой эффективности промышленных предприятий был представлен В. Е. Маневичем. Проследивая перипетии борьбы так называемых, красных директоров» за хозяйственную самостоятельность предприятий, автор подчеркивал, что их представителям были понятны основные издержки сложившейся системы хозяйственных отношений. Это – высокие издержки производства, отрыв производства от интересов потребителя, низкая эффективность использования всех ресурсов, расточительство.

. Как на одну из причин роста цен они указывали на безобразное хозяйничанье трестов, на дороговизну всего громоздкого аппарата управления. <...> На 825 тыс. рабочих трестированной промышленности [в 1923 г.] приходилось 100 тыс. служащих управленческого аппарата, занятых в 484 трестах и 17 синдикатах [7, с. 156]. Тем самым расточительность в промышленности порождала высокую себестоимость, ограничивала реальные источники накопления. А всякого рода кампании (за рационализацию, за научную организацию труда, за экономию) неизбежно упирались в пороки хозяйственного механизма. В результате рост производительности труда, достигнутый в 1922-1924 гг. благодаря росту реальной заработной платы, преодолению физического недоедания, а также восстановлению элементарного порядка на производстве, в конце 1925 г. приостановился и даже пошел вспять [Там же, с. 161]. В этой ситуации использование главным образом административных методов управления становилось своеобразным велением времени.

Итак, советская историография второй половины 80-х годов XX века получила серьезный импульс в рассмотрении проблем нэповской экономики. Открывшиеся возможности позволили советским историкам рассматривать нэповский опыт сквозь призму альтернативных развилочек, а также углубленного внимания к социально-психологическому контексту этого времени. При этом пристальное внимание к внутренним противоречиям промышленного производства подводило исследователей к важному выводу о том, что причинами «зигзагов нэпа» являлось конкретно-историческое взаимодействие объективных и субъективных факторов, обусловивших слом новой экономической политики и взятие курса на командно-распорядительные способы форсированной индустриализации. Поведенческий и психологический факторы, – писал В. П. Дмитриенко, – неумолимо толкали к продолжению и углублению радикальных преобразований во всех областях общественной жизни, в том числе и в экономике» [3, с. 130]. Одна из причин такого перехода заключалась во внутренних противоречиях советского промышленного производства – и экономических, и социально-политических. Однако фундаментальные исследования этих противоречий являлись задачей уже другого периода отечественной историографии.

Список литературы

1. Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. М.: Международный НИИ проблем управления, 1991. 94 с.
2. Горинов М. М., Цакунов С. В. 20-е годы: становление и развитие новой экономической политики // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / сост. В. А. Козлов. М.: Политиздат, 1991. С. 118-164.
3. Дмитриенко В. П. Четыре измерения нэп // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 125-138.
4. Звездин З. К., Кульчицкий С. В. Проблема индустриализации в системе экономической политики переходного периода // Экономическая политика советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М.: Наука, 1986. С. 82-95.
5. Исторический опыт и перестройка: человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР / Ин-т истории СССР АН СССР; В. А. Козлов (руководитель) и др.; отв. ред. Ю. С. Борисов. М.: Мысль, 1988. 302 с.
6. Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М.: Политиздат, 1988. 253 с.
7. Маневич В. Е. Проблемы теории и практики хозрасчета в 20-х годах // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М.: Экономика, 1990. Вып. 2. С. 146-172.
8. Михалкин В. А. Незнакомый Дзержинский (по малоизвестным и неопубликованным материалам архивов) // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М.: Экономика, 1989. Вып. 1. С. 160-168.
9. Смирнова Ю. В. Истоки и сущность нэпа в общественной мысли периода «перестройки» 1985-1991 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2009. № 1. С. 63-77.
10. Согрин В. В. К новому историческому сознанию // Историки отвечают на вопросы / сост. В. В. Поликарпов. М.: Моск. рабочий, 1990. Вып. 2. Сборник. С. 6-18.
11. Тропаревская Л. Е. Нэп и государственное регулирование деятельности промышленных трестов // Экономика и математические методы. 1989. Т. XXV. Вып. 6. С. 994-1003.
12. Хромов С. С. Исторический опыт решения проблемы производительности труда в промышленности в первые годы нэпа // Исторические записки. М.: Наука, 1986. Т. 113. С. 5-45.
13. Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский как руководитель народного хозяйства страны // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 51-58.
14. Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте. 1921-1926. М.: Мысль, 1977. 340 с.
15. Davies R. W. The New Economic Policy and the Alternatives to Stalinism // Davies R. W. Soviet History in the Gorbachev Revolution. L.: Macmillan, 1989. P. 27-38.

HISTORIOGRAPHY OF “PERESTROIKA” PERIOD (1985-1991): ON EFFICIENCY OF LABOUR IN ECONOMY OF NEW ECONOMIC POLICY

Volodin Sergei Filippovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
volodin93@yandex.ru

In the article the experience of the understanding of the problems of the efficiency of labour during New Economic Policy by “perestroika” period historiography (1985-1991) is considered. The works of Yu. M. Goland, M. M. Gorinov, V. P. Dmitrenko, V. A. Kozlov, V. E. Manevich, L. E. Troparevskaya, S. S. Khromov, S. V. Tsakunov are analyzed. The author points out that in the years of “perestroika” the study of New Economic Policy problems from the perspectives of the “alternatives”, “human factor”, “crises” of this policy was begun. Within the frameworks of these approaches the issues of labour efficiency at industrial enterprises were also considered.

Key words and phrases: wage; New Economic Policy; labour productivity; labour discipline; economic accountability.